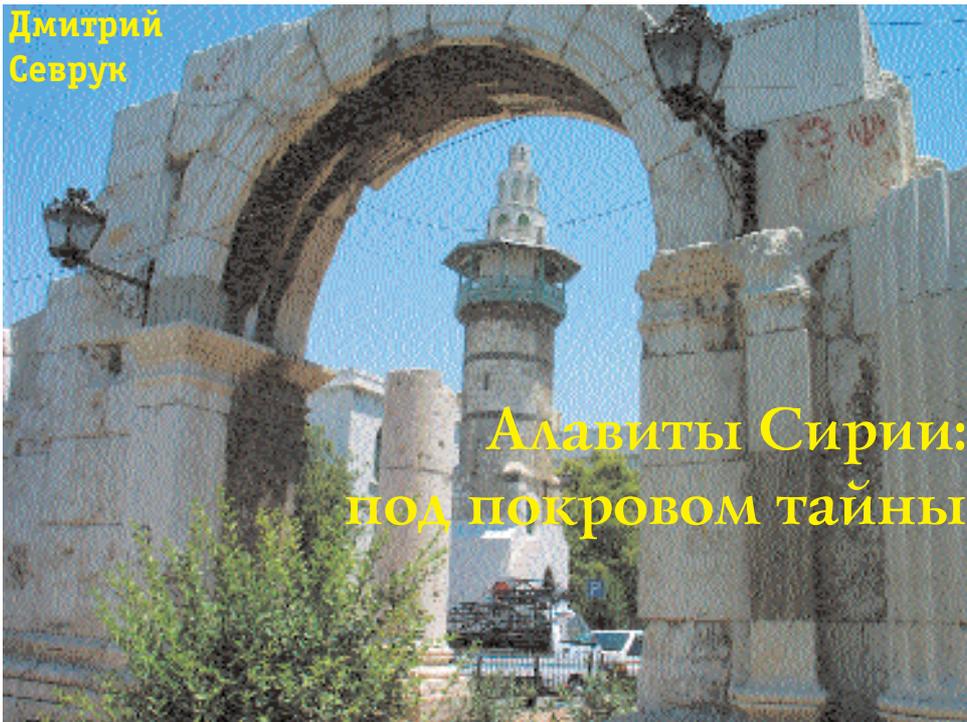

Дмитрий
Севрук

Алавиты Сирии: под покровом тайны

Дамаск. Римская арка в старом городе.

Когда, впервые оказавшись в Сирии, я задумался о стране, где мне предстояло теперь работать, то неожиданно для себя обнаружил, что, несмотря на большое, как мне казалось, количество прочитанных в университетские годы книг о Востоке, мои познания о культурном и политическом центре халифата Омейядов просто изобилуют белыми пятнами. Дальнейшее общение с сирийскими партнёрами по работе и друзьями окончательно разрушило студенческую иллюзию всезнания, при этом мне открылись новые и почти неизвестные стороны ближневосточной культуры.

Многочисленные поездки по стране позволили довольно быстро обнаружить, сколь велико различие традиций и жизненных устоев между теми или иными районами, заметное уже в пригородах Дамаска. «Конечно, – говорили, соглашаясь с моими наблюдениями, местные жители, – ведь в Сахнае и Джарамане живут христиане и друзы, в Мардж ас-Султан – черкесы, в Харасте – арабы-сунниты, в Кудсейе – алавиты».

С этого и началось моё изучение ближневосточных сект и общин. Поиск литературы, общение, поездки – всё было интересно и не так сложно, как поначалу казалось, за одним лишь исключением. Этим исключением стали алавиты. До приезда в страну мои познания о них ограничивались лишь краткой информацией, почерпнутой из «Истории религий Востока» и тем фактом, что наиболее известные их представители в Сирии – правящая семья Асадов. Именно последним обстоятельством я объяснял поначалу то, что в телефонных разговорах мои знакомые старались не произносить даже название общины, а те, кто, как я узнал позднее, к ней принадлежал, не особенно охотно об этом распространялись. Так или иначе, но ореол таинственности, окружавший это сообщество, лишь подогрел мой интерес к нему, некогда презираемому суннитским большинством, а сегодня составляющему костяк спецслужб, армии и сил внут-

Дмитрий Эдуардович Севрук – специалист по истории международных отношений (Минск).

Дамаск. Памятник Юсефу Азме, герою сопротивления французским колонизаторам.

Дамаск. Площадь перед входом в мечеть Омейядов.

// зима 2006 //

ренной безопасности в одной из ключевых ближневосточных стран.

Взлёт и упрочение позиций алавитов, безусловно, тесно связаны с Хафезом Асадом, приход к власти которого в ноябре 1970 г. остановил череду двух с лишним десятков переворотов в короткой истории независимой Сирии. Родившийся в алавитской семье и избравший военную карьеру, Асад со временем примкнул к основанной христианином М. Афляком и мусульманином С. Битаром партии Арабского социалистического возрождения (БААС), что стало, пожалуй, решающим шагом в его карьере. Именно пришедшая впоследствии к власти БААС, националистическая по своей сути и нивелировавшая религиозные различия, предоставила молодому и честолюбивому офицеру, выходцу из немногочисленной общины, возможность реализовать свои политические амбиции. Уже в начале 60-х, контролируя армейское крыло БААС, Асад начинает продвигать на ключевые посты алавитов, закладывая фундамент собственного прихода к власти.

В итоге, как отметил публицист и исследователь Востока Мартин Крамер, «алавиты, которым суннитские националисты отказали в создании собственного государства, получили Сирию целиком, а идея арабского национализма, призванная изначально оправдать власть суннитов над меньшинствами, теперь оправдывала власть меньшинства над ними».

Всегда существовавшая проблема идентификации алавитов как мусульман после их прихода к власти встала особенно остро. Ещё в ту пору, когда территория страны входила в состав Османской империи, султанские эмиссары, инспектировавшие провинции Западной Сирии, отмечали отсутствие здесь мечетей. В 1936 г., когда Сирия управлялась Францией, сирийским националистам пришлось обратиться с просьбой об издании фетвы, объявлявшей алавитов мусульманами, к муфтию Иерусалима, поскольку религиозные лидеры в Дамаске отказались пойти на подобный шаг. Будучи хотя и своеобразной, но все же шиитской сектой, нусайриты (другое название этой религиозной общины, происходящее от имени её основателя – Мухаммеда ибн Нусайра ан-Нумейри) в поисках официального признания неоднократно обращались и к авторитетам шиизма имамитского толка. Первые попытки, однако, оказались не слишком удачными. Так, например, из двенадцати алавитских юношей, направленных в 1948 г. учиться в священный для шиитов иракский город

Эн-Наджаф, девять вскоре вернулись на родину, не выдержав негативного отношения окружающих. В итоге впоследствии алавиты долгое время обучались в суннитском аль-Азхаре (Египет).

Официальное признание нусайритов шиитами-имами стало результатом политической договоренности президента Хафеза Асада, нуждавшегося в легитимизации собственной власти в мусульманской стране, и шиитского лидера Мусы Садр, оценившего все преимущества союза с сильным соседом для упрочения позиций шиитов в Ливане. Став в 1969 г. председателем Высшего исламского шиитского совета, Садр в июле 1973 г. объявил одного из алавитских шейхов шиитским муфтием Триполи и северного Ливана. Так началась история тесных политических связей сирийского режима и ливанских шиитов. После победы исламской революции в Иране важность союза с Дамаском, опиравшегося в том числе и на религиозную основу, оценил и официальный Тегеран.

И все же, несмотря на всю долгую историю признания, отношение к алавитам, прежде всего внутри самой Сирии, продолжает оставаться неоднозначным. Одной из главных причин такой ситуации стал необычный характер культа, существенно отличающийся, а порой и в корне противоречащий традиционной мусульманской догматике и местами сближающий учение этой шиитской секты скорее с христианством, нежели с исламом, что порой при-

Мечеть Омейядов в Дамаске. Внутренний двор.

знают и сами его последователи и что так в своё время привлекало французских миссионеров. Это и своеобразная идея «священной триады», состоящей из почитаемого шиитами халифа Али, пророка Мухаммеда и Сальмана аль-Фариси – первого не араба, принявшего ислам, и признание божественной природы Али, схожее с евангелическими идеями о природе Иисуса, и гораздо большее, нежели в ортодоксальном исламе, почитание самого Христа, и обряды причащения вином. А помимо этого ещё и вера в переселение душ, поклонение небесным телам, необычные, восходящие к языческим культам, ритуалы.

Тем не менее, происхождение и сущность учения алавитов по сей день остаются

Шиитские паломники.

желанными для исследования, чему во многом способствует скрытый характер культа, тайны и истинный смысл которого доступны, по мнению его адептов, лишь немногим посвящённым. Скудость информации объясняется ещё и позицией сирийского руководства, не стремящегося демонстрировать отличия разделяемого им учения от ортодоксального ислама, исповедуемого большинством населения страны.

Приступив к исследованию верований нусайритов (со временем простое удовлетворение любопытства превратилось в нечто большее), я рассчитывал информацию, почерпнутую из литературы, подтвердить или опровергнуть личным общением и на-

блюдениями. Однако, к своему сожалению, скоро заметил, что результат оказался не совсем таким, на какой я рассчитывал.

Помимо отмеченных выше причин, выяснилось, что текстов, посвящённых нусайритам, очень мало. Несмотря на обилие русскоязычной литературы об арабо-мусульманском Востоке, серьёзных трудов, освещающих неортодоксальные и эзотерические учения, не так уж и много. Информация о друзьях, алавитах или йезидах зачастую сводится к кратким энциклопедическим статьям. С текстами на западноевропейских и арабском языках дело обстояло несколько лучше. Знакомясь с ними, я был заинтригован ссылками на одно старое произведение, составлявшее основу практически всех исследований, – написанное в XIX в. Сулейманом Эфенди аль-Адани сочинение «Первый шаг Сулейманов в разоблачении тайн нусайритской веры».

Несмотря на частые к ней обращения, книга стала редкостью: на арабском языке она издавалась лишь дважды – в 1864 и 1988 гг. в Бейруте. И лишь однажды, в том же 1864 г., американским востоковедом Эдвардом Э. Сэлсбери был выполнен и опубликован в «Journal of the American Oriental Society» первый и единственный практически полный перевод сочинения на английский язык под названием «The Book of Suláiman's First Ripe Fruit, Disclosing the Mysteries of the Nusairian Religion».

Абу Муса аль-Харири, ливанский историк и публицист, автор критических трудов

Мечеть Омейядов в Дамаске. Могилы Иоанна Крестителя (Юханна аль-Муамадан).

об алавитах и исламе, приводит в качестве подтверждения достоверности содержания книги следующие свидетельства.

Когда французский востоковед Рене Дюссо, работавший над книгой о нусайритах, обратился к французскому консулу в Латакии Адольфу Жофруаи с просьбой прислать сочинение аль-Адани, то 25 марта 1898 г. получил его со следующим комментарием: «После многочисленных усилий ... я наконец-то смог получить этот труд ... на который Вы можете полностью опираться в своих исследованиях, ибо полученные мною сведения позволяют заключить, что всё написанное в книге – правда». Сам Дюссо цитирует слова одного учёного нусайрита: «Всё описанное в книге истинно. И если Вам посчастливилось получить её полностью и без искажений, то в других источниках необходимости нет. Её автор был нусайритским шейхом одной из деревень в районе Антакии, знавшим все аспекты религии...».

Действительно, это была находка – книга, написанная адептом учения, посвящённым в его тайны. Однако не менее интересным, чем само сочинение, был жизненный путь его автора – Сулеймана Эфенди аль-Адани. Несмотря на скудность биографических сведений, отдельные фрагменты, содержащиеся в самой книге и свидетельствах современников, рисуют сложную и противоречивую личность.

Родился Сулейман Эфенди в Антакье (совр. Турция) в 1834 г., где провёл первые семь лет своей жизни, после чего переехал в Адану (совр. Турция). В возрасте восемнад-

цати лет молодой алавит прошёл обряд посвящения, детально описанный им во введении к «Первому шагу...», и был допущен к знаниям, доступным лишь узкому кругу членов общины. Однако примерно через три года Сулейман Эфенди, по собственному его признанию, под влиянием ортодоксальной мусульманской литературы пришёл к выводу об ошибочности «языческой религии» алавитов. Он обратился к Ветхому Завету и иудаизму, а затем принял христианство. Корнелиус Ван Дик – американский миссионер в Бейруте, востоковед и современник автора, добавляет к его биографии ещё несколько штрихов: «Этот труд написан нусайритом, усомнившимся в своей вере и принявшим иудаизм, затем ислам суннитского толка, затем православие и, в конце концов, протестантизм. После прохождения обязательной военной службы в Дамаске, Сулейман Эфенди отправился в Бейрут, где и написал книгу. Из Бейрута он едет в Латакию, проводит несколько месяцев у миссионера Объединённой реформистской церкви (Associate Reformed Church) Р. Дж. Доддса, после чего возвращается в Бейрут и издаёт сочинение за собственный счёт». Последователи учения, однако, не простили отступнику разглашения священных тайн: аль-Адани был схвачен и сожжён заживо в Тарсусе (совр. Турция).

«Первый шаг Сулейманов в раскрытии тайн нусайритской веры», небольшое по объёму произведение, начинается с детального описания ритуала посвящения неофита. Здесь представлены: священная триада –

Дамаск. Площадь Марже.

Али (божественный Смысл и фактическое воплощение Бога), Мухаммед (Имя или Покров), Сальман аль-Фариси (Врата); причащение вином, абсолютно чуждое исламу и восходящее корнями к языческим земледельческим обрядам (в одном из алавитских гимнов с наполненным кубком вина сравнивается даже почитаемая ими Луна); религиозная иерархия общины.

Дальнейшую структуру произведения вкратце можно представить следующим образом.

Первая глава посвящена толкованию «Соборного писания» («Китаб аль-Маджмуа») – сочинения аль-Хусейна ибн Хамдана аль-Хусайби, теоретика учения, сформулировавшего его основные доктрины. Само «Соборное писание», содержащее общие для всех ответвлений общины религиозные постулаты, не представляет собой библиографической редкости и приводится, например, в приложении к сочинению «Алавиты/Нусайриты» упоминавшегося уже Абу Мусы аль-Харири, ссылки на которое нетрудно найти в Интернете. Написанная, однако, сложным для понимания эзотерическим языком, священная книга алавитов нуждается в ключах к интерпретации, часть которых и содержится в комментариях, приводимом Сулейманом Эфенди.

Следующая глава, перечисляющая праздники нусайритов, хотя и не описывая подробности, тем не менее упоминает праздники Иоанна Крестителя, Иоанна Златоуста, Марии Магдалины и некоторые другие, не указанные в «Сборнике

праздников» теоретика учения Маймуна Абу Касема ат-Табарани.

Глава третья «Об обязанностях шейхов и молитвах в праздничные дни» знакомит с иерархией алавитских священнослужителей, а также воспроизводит читаемые на богослужениях молитвы, существенно отличающиеся от принятых в традиционном исламе.

Четвёртая глава «О падении» излагает нусайритскую мифологию о происхождении душ членов общины из святящихся небесных тел, планет и звёзд. Приведённая в ней легенда о семи куполах, каждый из которых символизирует периодическое явление божественной триады в различные эпохи, представляет собой отголосок языческого, иранского и древнегреческого наследия. Так, Аристотель именуется воплощением божественного Смысла, Платон – Имени, а Сократ – божественных Врат. В предыдущие же эпохи божественным Смыслом (или предшественниками и воплощениями халифа Али) были и мифический Гермес Тризмегист, и персидский царь Аздашир (очевидно, Артаксеркс I, упомянутый в ветхозаветной Книге Есфирь).

В пятой главе Сулейман аль-Адани приводит примеры религиозной поэзии алавитов и толкует её образы. Большая часть цитируемых произведений представляет собой гимны Луне – воплощению халифа Али, согласно представлениям «северных» нусайритов, к которым и принадлежал автор. Упоминаются здесь и семь почитаемых нусайритами женщин.

Дамаск. Улица в старом городе.

В главе шестой «О некоторых доктринах нусайритов» автор уже сам упоминает о шиитских, древнеиранских и палестинских корнях учения. Говорит он и о характерном для алавитов утаивании своей религиозной принадлежности, об их склонности к внешней ассимиляции с представителями окружающего религиозного большинства и признаках, своего рода «паролях», по которым последователи учения могут узнать друг друга.

Несколько затруднительно дать краткую аннотацию седьмой главы «О разоблачении некоторых особенных тайн нусайритской веры». Во многом автобиографическая, она отражает внутренние сомнения, возникшие у Сулеймана аль-Адани по мере углубления в изучение постулатов секты, и раскрывает причины его разочарования в учении алавитов, приведшего его к иудаизму и христианству. Много внимания уделено культовым образам, пережиткам тотемизма, вызвавшем неприятие автора, а также его взаимоотношениям с членами общины после возникновения разногласий. Пишет аль-Адани о вынесенном ему смертном приговоре, о возможной расправе над ним.

Завершающий книгу «Ответ нусайритам» носит полемический характер. Аль-Адани критикует культ с позиций христианства, опираясь на тексты Ветхого и Нового Заветов, и призывает нусайритов отказаться от «языческих заблуждений».

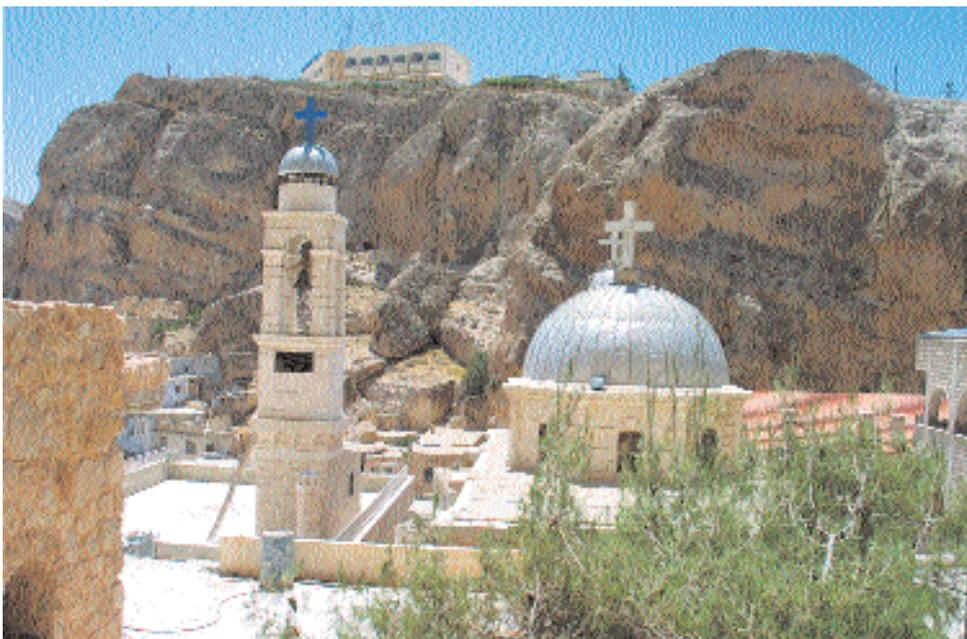
Надо сказать, что мнения о книге тех алавитов, с которыми мне доводилось об-

щаться, были разными, часто взаимоисключающими – от полного неприятия и несогласия до подтверждения справедливости многого, о чём идёт речь в «Первом шаге...», хотя и с некоторыми оговорками.

О причинах, побудивших аль-Адани создать подобное произведение, сейчас можно только догадываться, но эмоциональность суждений, сложный жизненный путь самого автора, успевшего перебрать практически все практиковавшиеся в регионе религии, его негативное отношение к нусайритам допускают возможность некоторых преувеличений или даже искажений, что должен учитывать исследователь. Кроме того, Сулейман Эфенди принадлежал лишь к одной из ветвей общины – так называемым «северным» алавитам, обряды и верования которых он и описал. В реальности же почти каждое племя или община, наряду с едиными для всех нусайритов священными текстами, имеет свои собственные, конкретизирующие те или иные аспекты учения. Не следует забывать и поразительную гибкость культа, его способность к внешней ассимиляции и трансформации в соответствии с требованиями времени и господствующей обстановкой.

Всё это, однако, нисколько не умаляет исторической ценности сочинения, которое, в совокупности с текстами самих нусайритов, полемическими сочинениями их противников и этнографическим материалом, позволяет понять один из сложных и интересных элементов ближневосточной религиозной структуры.

Маалюля. Христианская церковь и монастырь.

Титульный лист и страница
сочинения Сулеймана аль-Адани.

Сулейман аль-Адани

Первый шаг Сулейманов в раскрытии тайн нусайритской веры

Фрагменты

Хвала Господу, выведшему нас из тьмы к свету, избавившему нас от сомнений, смуты и блуда, приведшему нас к нетленному Священному Писанию, пославшему нам сына своего единственного для спасения верующих в Него от грядущих мучений и бедствий, и мы верны Его милости, избегая веры оболстителей, ослеплённым гордыней.

Сим сообщает смиренный раб Божий Сулейман аль-Адани, отрёкшийся от веры языческой веры и принявший веру христианскую, следующее:

Родился я в городе Антакье в 1250 году хиджры¹, где провёл около семи лет своей жизни, после чего переселился в Адану. Когда же исполнилось мне восемнадцать лет от роду, то последователи секты моей взялись посвящать меня в её сокрытые тайны, которые они делают доступными лишь тем, кто достиг этого возраста либо двадцати лет от роду.

В назначенный день собрались посвящённые и миряне и призвали меня к себе, вручив кубок с вином. После этого встал рядом со мною пресвитер² и произнёс: «Скажи: «Тайною твоей милости, родной брат отца моего и господин, венец головы моей, я, твой ученик, возлагаю сандалию твою на свою голову». Когда же отпил я из кубка, повернулся ко мне имам и спросил: «Согласен ли ты возложить сандалию сих присутствующих себе на голову, дабы выразить почтение твоему господину?». И ответил я: «Нет, только лишь сандалию моего господина», — и присутствующие смеялись моему послушанию. Затем они приказали служителю, и тот явился с сандалией названного господина. Они обнажили мне голову и возложили на нее сандалию, накрыв сверху белой тканью. После этого начал молиться за меня пресвитер, дабы смог я понять тайну. Когда же молитва закончилась, [они] сняли сандалию с головы моей, настрого приказали хранить всё в секрете и исчезли. Собрание это называют они собранием Предзнаменования.

По прошествии сорока дней состоялось другое собрание, на которое я был призван. Рядом со мной встал господин, держа в руке кубок с вином, которым он напоил меня и приказал произнести: «Тайною Айн-Мим-Син»³. Айн есть Али, именуемый Смыслом. Мим есть Мухаммед, называемый Именем, или Покровом. Син есть Сальман

аль-Фариси, именуемый Вратами. После этого сказал мне имам: «Ты обязан произносить эти слова — «Тайною Айн-Мим-Син» — по пятьсот раз на день». После этого они настрого приказали хранить всё в секрете и разошлись. Это собрание называют они Царским собранием.

По прошествии семи месяцев (для мирян же этот период длится девять месяцев) состоялось другое собрание, на которое я был призван, согласно обычаям. Меня остановили на почтительном расстоянии от собравшихся, из которых поднялся помощник, по правую руку от него встал пресвитер, а по левую — прелат, и в руке каждого из них был кубок с вином. Они повернулись к имаму, распевая Третий Гимн аль-Хусейна ибн Хамдана аль-Хусайби, упоминаемый после молитв, читаемых на их праздниках. Затем, обернувшись ко второму наставнику⁴, [они] запели: *Я спросил о вместилище благородных деяний, и люди указали мне на тебя; / Правом Мухаммеда и рода его будь милостив к пришедшему поцеловать руку твою; / Ты моя цель, не разрушь моей веры в тебя, ибо сегодня рассчитываем мы на тебя.*

После чего возложили руки ему на голову и сели. Он же поднялся и, взяв кубок из рук помощника, пал ниц и прочёл суру «Ас-Суджуд» — шестую; поднял голову и прочёл суру «Аль-Айн» — девятую. Затем выпил бокал и прочитал суру «Ас-Салям» — седьмую. Все эти суры будут приведены далее⁵.

Затем он встал, повернувшись к имаму, и произнёс: «Благоденствуй, благоденствуй, благоденствуй, господин мой имам», — и ответил ему имам: «Благоденствуй ты и те, кто вокруг тебя. Ты сделал то, чему не обучены эти собравшиеся: ты взял кубок рукой своей, выпил, совершил поклонение и прочёл молитву. Аллаху поклонение. Но что хочешь ты? Каково твоё желание?». И [прелат] ответил: «Я хочу встретить вечер перед ликом моего Учителя». После чего удалился, взглянул на небо, вернулся к собравшимся и произнёс: «Благоденствуй, благоденствуй, благоденствуй, господин мой». Имам ответил на это первым: «Что тебе нужно! И каково твоё желание?». И тот сказал: «У меня есть желание, и я хочу его одобрения». [Имам] произнёс: «Иди, я одобряю его». Затем [прелат] отошёл от собравшихся, приблизился ко мне, дабы я поцеловал его руки и ноги, и я поцеловал их. И снова подошёл он к собравшимся и произнёс: «Благоденствуй, благоденствуй, благоденствуй, господин мой имам». Тогда сказал ему имам: «Каково твоё желание? Чего ты хочешь?». И тот ответил ему: «Явился мне человек в пути». На что имам ответил: «Разве не слышал ты, что сказал наш избранный господин: «Тяжкий долг — ночь: ни один храбрец не может вытерпеть его?». И тот ответил: «У меня храброе сердце, не тревожьтесь за меня».

Муханна и его племянник.

После этого снова взглянул на меня, повернулся к ним и сказал: «Этот человек по имени такой-то. Он явился, дабы пройти обряд посвящения перед вами». [Имам] спросил: «Кто указал ему на нас?». И ответил [прелат]: «Древний Смысл, Великое Имя и Благородные Врата. Формула — АМС». И сказал имам: «Приведи его, дабы мы могли его видеть».

И взял наставник меня за правую руку и направился со мной к имаму. Когда же я приблизился к нему, он подставил мне свои ноги, и я поцеловал их. Тогда обратился ко мне [имам]: «Каково твоё желание! Чего ты хочешь, юноша?». Затем поднялся пресвитер, встал рядом со мной и научил ответу: «Я прошу о вашей тайне, о собрании правоверных». [Имам] взглянул на меня хмуро и произнёс: «Что подвигло тебя к тому, чтобы требовать от нас тайну, увенчанную большим и малым жемчугом, которую может выдержать лишь приближённый ангел или посланный пророк? Знай, сын мой, что ангелы многочисленны, но выдержать сию тайну могут лишь приближённые; и пророки многочисленны, однако среди них выдержать сию

тайну могут лишь посланные; и верующие многочисленны, но выдержать сию тайну могут лишь испытанные. Сможешь ли ты стерпеть отсечение головы, рук, ног и не раскрыть сей великой тайны?». И ответил я: «Да». Тогда сказал он мне: «Мне нужно сто поручителей от тебя». Но присутствующие произнесли: «Закон, о господин наш имам». И сказал [имам]: «Из почтения к вам, пусть это будет двенадцать поручителей». Тогда встал наставник и поцеловал руки двенадцати поручителям. И я также поцеловал им руки. Поручители поднялись и произнесли: «Благоденствуй, благоденствуй, благоденствуй, господин мой имам». И сказал имам: «Каково ваше желание, о благородные?». И ответили они: «Мы явились, дабы поручиться за такого-то». [Имам] спросил: «Если он выдаст эту тайну, то явитесь ли вы ко мне, дабы рассечь его на части и испить его кровь?». И произнесли они: «Да».

И ответил на это [имам]: «Мне недостаточно одного вашего поручительства. Я хочу ещё двух почтенных людей, которые поручатся за вас». Тогда один из поручителей и я позади него подбежали и поцеловали руки двух требуемых поручителей. Тогда поднялись они, возложив руки на грудь, и имам, повернувшись к ним, произнёс: «Пусть Аллах дарует вам богатый вечер, о уважаемые и чистые поручители, почтенные мужи. Каково ваше желание?». И они ответили: «Мы явились, дабы выступить поручителями двенадцати поручителей, а также этого человека». [Имам] сказал: «Если сбежит он, не закончив изучение молитв, или же раскроет сию тайну, приведёте ли вы его ко мне, дабы свершить казнь над ним?». И произнесли они: «Да». Тогда имам заговорил снова: «Поручители смертны, и поручители поручителей смертны, я же хочу нечто нетленное». И [два поручителя] сказали: «Делай, что пожелаешь». [Имам] повернулся ко мне и сказал: «Подойди ко мне, юноша». И я приблизился к нему и поклялся всеми небесными телами в том, что никогда не разглашу сей тайны. После этого вложили в правую руку мою «Соборное Писание», и пресвитер,

Канджо и его сын.

В зарослях.

стоявший рядом со мной, научил меня сказать: «Окажи милость, приведи меня к присяге, о господин мой имам, связанной с этой великой тайной, и ты будешь чист от любой моей ошибки». Тогда он взял у меня «Соборное Писание» и произнёс: «Сын мой, я привожу тебя к присяге не корысти ради и не по ходатайству, а лишь во имя тайны Аллаха, как завещали нам наши шейхи и вожди». Так повторил он это действие и слова трижды. Я же, трижды возложив руки на Писание, поклялся на нём никогда на протяжении своей жизни не разглашать сию тайну.

Что же до мирян, то от них требуют присяги еще большей, нежели эта, особенно среди нусайритов области Латакия. Затем имам произнёс: «Сын мой, земля не примет тебя погребённым в ней, если ты раскроешь тайну сию, и ты не сможешь вернуться, приняв человеческий облик, но после смерти своей войдёшь в тела низших тварей, и никогда не будет тебе от этого избавления».

После этого они усадили меня между собой, обнажили мою голову, покрыли ее материей. Возложив руки мне на голову, поручители начали молиться. Сперва они прочли суры «Аль-Фатх», «Ас-Суджуд» и «Аль-Айн». Затем выпили вина и прочли суру «ас-Салам»⁶. После того, как они отняли руки, меня взял инициатор⁷ и передал первому наставнику. Взяв кубок с вином, тот наполнил меня им и научил сказать: «Во имя Аллаха и с помощью Аллаха, во имя тайны господина Аби Абдаллаха, обладателя божественной мудрости, во имя тайны его могилы, о Аллах, даруй ему счастье».

После этого собравшиеся разошлись, господин же взял меня к себе домой. Имя его — Ахмад Эфенди ибн Ридван Ага — из знатных людей города Аданы. Имя второго наставника — шейх Салех аль-Джабали — предводитель раммалитов. Он [господин] начал с обучения меня формуле Освобождения, а это сура «Аш-Шатаим»⁸, читаемая в начале праздничных молитв. В это же время научили меня известным молитвам поклонения Али ибн Аби Талибу, и это шестнадцать сур.

Глава вторая О праздниках

У нусайритов есть множество праздников, и каждый состоятельный мужчина обязан организовать один, два или три в зависимости от его послушания в секте.

Важнейший из них — День Гадир, отмечаемый в восемнадцатый день месяца зуль-хиджа⁹, и в городе Адане организуют его шейх Салех ибн Сумра, шейх Айд аль-Ауар сын шейха Айда и шейх Ахмад сын шейха аль-Манкулие, живущего в Адане; в Хадыр-

Женщина из алавитского селения.

лие — шейх Ибрагим сын шейха Мансура; в окрестностях Антакьи, в деревне Якто, — шейх Ибрагим сын шейха Исмаила; в Дарсунии — шейх Мухаммед сын шейха Хидра Бикфалауи.

Праздник жертвоприношения (*Курбан-Байрам*), отмечаемый в десятый день того же месяца в память об Исмаиле ибн Хаджире. В Адане его организуют шейх Салех ибн Сумра, шейх Салех сын шейха аль-Касаба и другие. После этого шестнадцатого октября наступает праздник Михраджан, и в Адане его устраивает Мухаммед ибн Сари Паша. Четвертого ноября — праздник Святой Варвары, организацией которого в Адане занимается шейх Юсуф ибн Али ибн Раджаб из Альуабы. Через неделю наступает другой праздник, а ещё через неделю — ещё один.

В ночь пятнадцатого декабря празднуется Рождество Христово, и устраивают его в Адане мой второй наставник — шейх

Праздник в алавитском дворе.

Салех аль-Джабали, а в новом квартале — мой двоюродный брат — шейх Мухаммед. Шестого января наступает Крещение, за организацию празднования которого в Адане ответственны двое — Хасан ибн Ката из Аль-Обы и Мухаммед ибн Шиха.

Праздник семнадцатого марта, который устраивают мой первый наставник — Ахмад Эфенди ибн Ридван Ага, Ибрагим ибн Тауиль, а также другие. Праздник первого апреля, и организывает его шейх Хасан из Йуксек Толап; праздник четвертого апреля, устраиваемый шейхом Али Садрией сыном шейха Сулеймана из квартала Аль-Хидр и другие; праздник пятнадцатого апреля, даваемый сыновьями шейха Исмаила из Йуксек Толап. За ним идёт Праздник Девятого дня месяца рабиа аль-авваль, именуемый также вторым Днём Гадир, и устраивает его шейх Хатем аль-Аауар, живущий рядом с новым кварталом. После этого наступает Ночной Праздник середины месяца шаабан, который проводят шейх Абдаллах из дома Сумры и Шаабан ибн Ас-Сархи.

Есть множество иных празднеств, времени которых я уже не припоминаю, как, например, праздники Иоанна Крестителя, Иоанна Златоуста, Вербное воскресенье, Троица и праздник Марии Магдалины.

Среди ночных праздников скажу о первой ночи месяца рамадан, празднование которой устраивает Хасан аль-Кабичи из местности аль-Бакир Сандия, за ней следуют семнадцатая ночь, которую организуют мой второй наставник — Салех аль-Джабали и другие; девятнадцатая ночь, празднование которой устраивают мой первый наставник — Ахмад Эфенди и Иса ибн Пиркадар из Йуксек Толап; двадцать первая ночь, которую организуют люди дома аль-Саркаджи с улицы Султание; двадцать третья ночь, устраиваемая человеком по имени Абу Зейд из деревни Хамдалие, живущим ныне в новом квартале; и, наконец, двадцать седьмая ночь месяца рамадан, празднование которой организует Али ибн аль-Бутта.

Помимо названных есть и иные праздники, отмечаемые нусайритами в тех местностях, которые они населяют. Эти праздники достались им в наследство от предков и будут переданы потомкам, которые не откажутся от них. Что же до милостыней и обетов, то для них нет назначенного времени, и [нусайриты] совершают их, когда пожелают.

Обращаясь к читателю своему, я прошу его запомнить названные дни и подождать их наступления, приглядев за указанными мною людьми, и тогда он заметит [в их домах] и закалываемых животных, и стряпню, и нечаянно собравшихся людей. Горожане, дабы не привлекать чьего-либо внимания, устраивают празднества с наступлением сумерек, что же до деревенских жителей, то они мало интересуются чем-то.

Подобно мусульманам, есть у них торжества в месяц рамадан и праздник жертвоприношения десятого дня месяца зу-ль-хиджа. Есть и Новый год, отмечаемый первого января, который деревенские жители почитают более, нежели первые два. Горожане этого не делают, дабы не привлекать внимания мусульман, однако считают два первых праздника исключительно лишь торжествами.

Перевод фрагментов выполнен по изданию: Аль-Адани, Сулейман. Китаб аль-бакура ас-Сулейманийя фи кашфи асрар ад-дияна ан-нусайрийя. Дар ли-аджли ль-маарифа. Ливан. 1988.

Примечания

¹ 1834 г.

² При переводе религиозных титулов упоминаемых аль-Адани участников церемонии «ан-накиба» и «ан-наджиба», не имеющих аналогов в ортодоксальном исламе, я исходил из значения слов *накиб* – старшина, глава, председатель, и *наджиб* – человек знатного происхождения, благородный, превосходный. Стараясь отыскать соответствия в христианском лексиконе (чтобы точнее передать в переводе религиозный характер церемонии), я остановился на *пресвитере* (по-гречески старейшина), означавшем старейшину в первых христианских общинах, – для *ан-накиба*, и *прелате* (по латыни лицо, – выше других поставленное) – названии лиц, занимающих высшие должности в иерархии католической и некоторых протестантских церквей – для *ан-наджиба*.

³ Буквы арабского алфавита, с которых начинаются имена алавитской триады – Али, Мухаммеда и Сальмана аль-Фариси.

⁴ Т.е. прелату.

⁵ Упомянутые автором суры «Ас-Суджуд» («Поклонение»), «Аль-Айн» (здесь – «Сущность») и «Ас-Салам» («Мир») представляют собой суры «Священного Писания» («Китаб аль-Маджмуа») алавитов, написанного главным теоретиком учения – аль-Хусейном ибн Хамданом аль-Хусайби – в подражание Корану и разделённого на шестнадцать сур, читаемых на религиозных церемониях нусайритов и наполненных сложной религиозной символикой, толкование которой даётся автором в первой главе «Первого шага...».

⁶ Также суры «Священного Писания». «Аль-Фатх» (здесь – «Завоевание», «Победа»).

⁷ Т.е. прелат.

⁸ «Аш-Шатаим» («Поношения») – сура, которой нет в «Священном Писании».

⁹ Зу-ль-хиджа – двенадцатый месяц мусульманского лунного календаря, упоминаемый в главе наряду с месяцами раба аль-авваль (третий месяц лунного календаря), шаабан (восьмой месяц) и рамадан (девятый месяц). Появление же далее названий европейских месяцев (март, апрель и др.) объясняется почитанием алавитами христианских и древнеиранских праздников. Мусульманский календарь, зависящий от фаз луны, подвижен, что приводит к постоянному смещению дат. Месяц *рамадан*, например, бывал и зимой и весной и осенью и летом. В таких обстоятельствах соотносить христианские и иранские праздники (как Михраджан, например, – изначально зороастрийский праздник осеннего солнцестояния), имеющие фиксированную дату в другом календаре, довольно сложно, поэтому используются два календаря. Христианский и мусульманский календари одновременно использует в «Собрании праздников» и ат-Табарани – один из первых алавитских шейхов, который упоминает и праздники в месяц *шаабан*, и праздник семнадцатого марта. Причем это не алавитское нововведение. В Иране, к примеру, существовали и существуют два календаря – традиционный мусульманский и иранский солнечный: первый – для мусульманских праздников, второй – для сохранившихся древнеиранских (Новый год – Навруз). В наши дни параллельное использование в арабских странах двух календарей – европейского и мусульманского – встречается практически повсеместно.

Перевод и примечания Д. Севрука

В оформлении использованы рисунки из книги: **LES ANSARIÉS, par M. Léon CAHUN, chargé d'une mission chez les populations païennes de la Syrie. 1878. (Совр. изд. на араб. яз. – Дамаск, 2004). Фото Виктора Цыбулько**

Аль-Харири, Абу Муса. Аль-алауийюн ан-нусайрийюн. Бейрут, 1980.
http://muhammadanism.org/Arabic/book/hariri/nusayrian_alawites_file.pdf
Kramer M. Syria's Alawis and Shi'ism.
<http://www.geocities.com/martinkramerorg/Alawis.htm>
Lammens H. Islam beliefs and institutions.
http://www.muhammadanism.org/lammens/islam_beliefs_institutions.pdf
Salisbury E. The Book of Suláiman's First Ripe Fruit, Disclosing the Mysteries of the Nusairian Religion. // Journal of the American Oriental Society, t. VIII.
Zeidan D. The Alawis of Syria.
<http://www.angelfire.com/az/rescon/mgcalawi.html>